

Владимир Меньшов:

...майор Брагин в сериале «Москва. Центральный округ-2»...

Роли сыплются на актера как из рога изобилия: маг Гесер в «Ночном дозоре»...

Все помнят, как герои фильма «Москва слезам не верит» рассуждали о том, что через 20–30 лет наступит время, когда не будет ни кино, ни театра, ни радио — останется одно сплошное телевидение. Спустя четверть века со дня премьеры картины режиссер, отметивший в этом году свое 65-летие и снявшийся в другом проекте, также связанном с Москвой — сериале НТВ «Москва. Центральный округ», приходит к тому же выводу.

«Картины для «Оскара» надо оценивать глазами американцев»

— Пока вас не было в Москве (Меньшов вел проект «Последний герой», который снимался в Панаме. — Авт.), все шумели о выдвижении «Ночного дозора» на «Оскар» так, будто уже его получили. А еще ругали выбор нашего оскаровского комитета, который вы возмущаете.

— Меня каждый раз скручивает, когда читаю про то, что «совершенно необоснованно была выдвинута картина», например, «Дом дураков» вместо «очевидно удачной» «Кукушки». Совершенно не так: успех «Кукушки» был неочевиден для нас, и международного успеха картина, надо сказать, так и ненискала. А фильм «Дом дураков» получил приз за режиссуру на фестивале в Венеции — это авторитетный приз.

Вообще-то картины, представляющие нас на «Оскаре», мы должны смотреть глазами членов американской киноакадемии. Поэтому что они совсем другие люди — с другим менталитетом, другим пониманием искусства. Хотя понимаю, что, если бы речь шла о моей картине, я бы не был таким уж спокойным. Как в свое время и не послали «Зависть богов», а отбрали «Дневник его жены» Учителя. С другой стороны, ну что делать? Есть члены комитета, его нельзя расширять до бесконечности, мы не можем устроить референдум по этому поводу — должны сделать выбор, мы его и делаем тайным закрытым голосованием.

И все-таки хотелось бы понять, по каким соображениям на «Оскар» отправлен именно «Ночной дозор»? Простите за настоятельность, но члены комитета ничего вразумительного так и не сказали.

— Я сейчас говорю о том, в чем участия не принимал — во время выбора картины находился в Панаме, откуда и голосовал. Но

К ВОСПИТАНИЮ ВНУКОВ МЕНЯ НЕ ДОПУСКАЮТ

знаю, что «Ночным дозором» заинтересовалась американская сторона, компания «XX век Фокс», которая собирается делать ремейк по этому фильму. Киностудия купила картину, хочет ее прокатывать, возможно, в других странах. Это довольно беспреседная история успеха за последние годы. Американцы заинтересованы в том, чтобы продвигать наш фильм на американский рынок, а стало быть, и на «Оскар». Не исключено, что именно их усилиями, даже закулисной борьбой, о которой мы не имеем представления, но которая на «Оскаре» не меньше, чем в Канне, на «Золотом Орле» или «Нике», они сумеют добиться попадания «Ночного дозора» в число пяти основных номинантов, что будет для российского кинематографа замечательным успехом. Художественные достоинства фильма не берусь обсуждать, да и не нужно это. Но, конечно, если бы существовал вариант «Андрей Рублев», еще целый ряд фильмов, каким бы я отдал свое предпочтение, или «Ночной дозор», то никакие соображения уже бы меня не сбили.

«Снимался как актер, не чувствуя простоты как режиссер»

— Многие актеры сейчас рвутся в режиссеры. Вы, наоборот, все чаще появляетесь в качестве актера. Это более хлебное занятие, чем режиссура?

— Безусловно, более хлебное. Но никакой стратегии в этом у меня нет. Просто мне звонят: «Владимир Валентинович, можно мы вам принесем сценарий?». Я думаю: «Надо же, еще есть какие-то роли для меня». Приносятся, читаю: не стыдно, давайте сыграем. Это действительно оплачивается сейчас неплохо, если речь обо мне вести — потому что мэтр уже. По-

том опять звонок, опять предложение... Наблюдая за чужими жизнями, я выстроил свою так, что очень не люблю отвергать предложения. Жизнь так коварна и обидчива, что, если протягивает тебе руку, а ты брезгливо говоришь: «Нет, я жду ТОЙ роли, и вот когда мне предложат...», можно сильно пожалеть потом. К чему бы это ни относилось — к ролям, режиссерским работам, к человеку, который хочет с тобой полурезультат, а ты говоришь: «Отойди, любезный, от тебя псиной разит». А потом вдруг выяснится, что человек многого добился, и ты думаешь: «Ах ты, как бы я сейчас мно-

— Как долго продлится еще ваш простой?

— Как только появятся деньги, начну снимать.

— Вам, как мэтру, проблематично найти деньги (речь идет о картине «Большой вальс» по пьесе венгерского драматурга Мольера. — Авт.)?

— Конечно, трудно. Картины дорожают. Как мэтру, мне даст деньги Госкино. «Первый канал» готов принять участие, но этого не хватает, поскольку фильм постановочный, связанный с потрясающими костюмами, которые уже готовы, с экспедицией в Чехию. Картина недешевая, именно сей-

час я намерен заняться поиском средств.

— «Когда камеры выключались, начиналась цензура»?

— Остались довольны участием в «Последнем герое»?

— Да, я с большим интересом за всем наблюдал. Темпы сумасшедшие: от съемки до выхода в эфир проходил месяц. При наличии такого телевидения и кино должно становиться другим. Нельзя работать, как 20 лет назад. То, что раньше рассказывали за три часа, теперь за час успевают.

— Вы там много общались с участниками?

— Не слишком: по правилам игры мне и нельзя с ними общать-

— А эти съемки никак не повлияли на другой ваш телепроект — «Семейная детопсия»?

— К сожалению, повлияли: нет меня в этом проекте, который мы должны были вести с Юлей. Именно из-за «Последнего героя». Я даже обговорил с «ПГ», что прилечу в Москву на три дня, чтобы записать свою программу, но второй канал, узнав, что буду ведущим на первом, решил искать другую пару. Жаль, можно было бы что-то солидное по замыслу разговора сделать.

— В сериале «Все мужчины свои...» вы появились благодаря дочери?

— Изначально вообще не планировалось, что у героини будет даже мама. Потом она появилась, и, естественно, возникло предложение. Она согласилась, поскольку предстояло играть в паре с Юлей. А потом появился и папа — на одну серию. Мне кажется, в новом блоке из 12 серий мне не найдется места. Впрочем, может, и еще раз возникну со своей израильской судьбой. (Смеется.)

— У Юли то же отношение к разного рода предложениям?

— Не буду впадать, но и у Юли, и у Веры совершенно другая судьба. Я смолodu не боялся, как говорят японцы, потерять

«Кино, в которое я пришел, умерло»

— Расскажите так же серьезно, как ваш герой майор Брагин, образ которого вы создали в сериале «Москва. Центральный округ» (сейчас в эфире НТВ идет его продолжение. — Авт.).

— Ничего я не хотел создать — просто работал! Я удивился, когда мне принесли эту историю, позволил и спросил, где сюжеты берут. Думал, из милийских дел. Оказалось, сами все придумали. Там много иронии, юмора — это мой материал. Другое дело, что каждый день снимать по 7–8 минут полезного метража — это ужасно много после кино, которое снимает по две, ну, три минуты максимум. Уставал прилично, но результатом доволен. Мне уже было несколько звонков от очень уважаемых людей. Марлен Хуциев позвонил: «Я как дурак сижу и жду, когда начнется. Это же бред какой-то! Что такое? Ты мне можешь объяснить?». Я отвечаю — это то, о чем говорил Станиславский: когда он дошел до главы «Обаяние», ему пришлось прибегнуть к тавтологии — обаяние есть обаяние. Так и здесь... И Юрский звонил. Надо досмотреть до конца и вторую часть, чтобы понять, что получилось. Также с интересом жду на НТВ премьеры сериала «Только ты», где играю крупного партийного функционера.

— Скажите, не обидно, когда ваши фильмы смотрят не заставив дыхание, а жуют попкорн и пьют пиво?

— Обижаться на жизнь — последнее дело. Это уже такая мараматическая старость, когда ты начинаешь обижаться на жизнь, которая идет не так, как ты себе представлял. Думаю, кино, в которое я пришел, которое имело отношение к высокой литературе, к театру, умерло. Сейчас оно переместилось в область шоу, цирка, да и залы стали такие, что странно в них сидеть и смотреть «Вену на Заречной улице», они и не приспособлены для этого. Со всех 16 динамиков должна со страшной силой греметь музыка, только в этой атмосфере можно жевать попкорн, для этого создан нынешний кинозал. А мой кинематограф скорее всего отойдет в область телевидения, видео, чтобы люди смотрели его дома.

Мне жаль, потому что все-таки настоящее рождается, когда рядом сидят еще минимум 100 человек и вы вместе дышите. Есть чувство сопричастности, сорбности — то, что я замечал на просмотре лучших фильмов, которые видел в своей жизни, на моем фильме «Москва слезам не верит». Это же был праздник — смотреть на зал, когда они все одними глазами смотрят, вместе смеются, вместе плачут. Была зачарованность, загипнотизированность происходящим, и чувствовал себя таким могучим человеком, потому что ты управляешь этим громадным кораблем: три тысячи зрителей сидят в зале, и ты сейчас сме-

нишь настроение — и они все заходят! Это... Все кончено.

«Сейчас у дочери Юли идет мутационный процесс»

— Что делает ваша дочь, кроме того, что снимается в сериале?

— Снимается в сериале.

— Вы довольны ее актерской судьбой?

— Нет, пожалуй. Она актриса большая, серьезная. Еще в Школе-студии МХАТ хорошо о себе заявила. Юля сама очень быстро скрутила свою судьбу, актерская жизнь пока не слишком ее занимает. Не знаю, куда она себя денет — может быть, в режиссуру пойдет. Сейчас у нее мутационный процесс, Юля очень много думает и ищет себе применение.

— А Вера Валентиновна хватается за театр? Почему она мало снимается в кино?

— Она глубоко театральный человек. Всегда предпочитала театральную роль кинематографу. У нее совсем немного ролей в кино, но, к счастью, все они точечные мощные попадания. Для нее спектакль — событие, к которому она начинает готовиться с утра. Да, какое там с утра! С позавчерашнего дня она готовится к спектаклю, худеет, в 4 часа уже сидит в гримерной. Вера специально держит себя очень жестко и дисципли-

нированно... Кино у нее счастливым образом оказалось связанным со мной. Думаю, у нее могло бы и не заладиться. Она человек сильных принципов, могла бы и поссориться, и уйти с площадки. Не капризная, а столкнувшись с какой-нибудь пошлостью, безответственностью — этого всего она не понимает, она свято относится к искусству, а в кино с этим не так уж хорошо. Зная ее, старался уберечь ее от этого, все удары принимая на себя, чтобы она занималась только ролью. Я знаю, каково актеру бывает, когда ты должен идти играть хорошую сцену, а тут какой-то скандал между режиссером, оператором, вторым режиссером. Крики, мат-перемат, а потом: «Ну все, приготовились, а теперь давайте: «Я люблю тебя»! Да какое к черту «люблю»! Это в моей практике бывало неоднократно, я выдерживал, а она бы в этой ситуации просто положила роль и со всеми распрощалась.

— Владимир Валентинович, ваши внуки должны очень любить такого динамичного дедушку...

— Не подпускаюся мужчинами, отвечаю женщинам к ребенку. Это я чувствовал, когда Юля росла: Вера ее

до определенного возраста закрывала своей заботой, через которую я не мог пробиться. А я не люблю, чтобы меня пустили вот это сделать, а дальше отойди. Так меня обязательно перепроверяют: где я был, о чем говорил, что она сказала. «А это ей нельзя! А зачем ты дал ей то?». У нас с Юлей свои отношения начались с ее отрочества, а до этого она была целиком мамина дочь. Мама все про нее знает — детские секреты, женские секреты, она ее покрывает. И то же самое с внуками: мне неинтересно вклиниваться на секунду, пока мне разрешили (хотя вунча, возможно, еще даст ему фору), какие-то свои мужские отношения, когда я буду с ним говорить, как и что считаю нужным, и перед мамой и бабушкой не отчитываться.

Пока же между матерью и ребенком существует пуповинная связь — страшное дело, я вам скажу. Вообще, мужчина и женщина — глубоко разные люди. Глядя на дочь, которая родила, вспоминая Веру... Феминистки эти ерунду какую-то несут.

— Уже чувствуете, что Тая может дать фору Андрею?

— Мне кажется, да. Девка очень боевая. Бандитка будет та еще.

■ Ольга Сабурова.

...ведущий «Последнего героя» (слева Николай Дроздов)

И так редко бывают минуты тихого семейного счастья, когда можно повозиться на кухне (по признаниям друзей, Меньшов прекрасно готовит)

фото Владимира Персиянова